

МОНГОЛИЯ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ

Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев

Аннотация: На основе результатов этносоциологического исследования 2009 и 2011 гг. анализируется существующее в массовом и экспертном сознании на уровне субъективных ориентаций отношение населения Монголии к другим народам.

Работа выполнена по проекту Международного конкурса РГНФ — МинОКН Монголии «Монгольский мир: между Востоком и Западом» (№ 10-03-00865a/G).

Ключевые слова: Монголия, цивилизация, метацивилизация, народы, взаимодействие, ценностные ориентации.

Монголия в историческом прошлом продемонстрировала потенциал метацивилизации, поставившей под свой контроль и в определенной мере нормировавшей социальные организмы, принадлежавшие нескольким локальным цивилизациям Евразии (европейской, мусульманской, индусской, православной, конфуцианской). Универсализм монгольской метацивилизации оказался относительно кратковременным (около 500 лет), но в то же время мир-системным, сыгравшим важную роль в консолидации и расцвете многих локальных цивилизаций, в т. ч. европейской цивилизации.

Континентальный масштаб монгольской цивилизации создал возможность сопряженного сосуществования в составе монгольской культуры результатов влияния цивилизаций Севера и Юга, Запада и Востока. Многие исследователи подчеркивают вклад монголов в процессы глобализации и интернационализации общественной жизни. Хорошо извест-

Попков Юрий Владимирович - доктор философских наук, заместитель директора, заведующий сектором этносоциальных проблем Института философии и права СО РАН.

Тюгашев Евгений Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Новосибирского государственного университета.

ны культурная открытость и конфессиональная толерантность древних монголов, их стремление привлечь к государственному управлению представителей различных народов.

Наблюдатели отмечали в прошлом и фиксируют в настоящее время дифференцированное отношение монголов к разным народам и странам. Например, акцентируется традиционная неприязнь монголов к китайцам. Восприятие монголами русских и России обычно оценивается как в целом положительное, хотя в последние два десятилетия рейтинг России в глазах населения Монголии заметно снизился.

Отношение к народам России и Китая является определяющим для населения Монголии уже в силу ее географического положения. В исторической ретроспективе и перспективе в горизонте монгольского мира как значимые позиционировались и другие народы, отношение к которым, в зависимости от опыта взаимодействий, также было дифференцированным. К таким народам можно отнести бурят, маньчжуров, японцев и др.

В условиях современной глобализации расширились международные связи Монголии, что существенно диверсифицировало восприятие монголами окружающего мира в его национально-государственном разнообразии. Следствием этого стали изменение внешнеполитических отношений, реализация многовекторной внешнеполитической стратегии и расширение географии внешнеэкономического сотрудничества.

В данных обстоятельствах представляет интерес обсуждение ряда вопросов, касающихся отношения монгольского населения к различным странам и народам. Какие из них воспринимаются как близкие и понятные? Какие рассматриваются как пример для подражания? Различается ли отношение к России и Китаю? Существуют ли различия в восприятии стран и народов в оценках массового сознания населения и экспертов? Существуют ли различия в восприятии стран и народов представителями разных этнических групп Монголии. Ответы на эти вопросы, которые мы постараемся дать по результатам проведенных в 2009-2011 гг. массовых и экспертных социологических опросов, позволят существенно конкретизировать представления об отношении монгольского населения к окружающему миру.

Социологические исследования были организованы совместными усилиями сотрудников сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии

наук, Института исследования монгольского Алтая и Института философии, социологии и права Монголии. Они проводились в рамках проекта Международного конкурса РГНФ — МинОКН Монголии «Монгольский мир: между Востоком и Западом» (№ 10-03-00865а/G). Массовыми опросами охвачены представители разных половозрастных и социально-профессиональных групп, жители городов, центров аймаков, сельское и кочевое население. В качестве экспертов выступили представители науки, образования, культуры, органов власти, бизнеса.

В 2009 г. опрос проходил в г. Улан-Баторе, Центральной и Западной Монголии, в нем представлены три этнические группы населения — халхи, ойраты и казахи. Всего опрошено 300 человек в рамках массового исследования и 60 экспертов. В 2011 г. исследованием было охвачено население Юго-Западной, Северной (на границе в Бурятией) и Юго-Восточной Монголии. Преобладающую группу составили халхи (90%). Всего опрошено 488 чел., в том числе 77 экспертов.

Проведенные опросы показали наличие некоторых различий среди представителей разных этнических групп Монголии в их оценке субъективно близких народов. Наиболее наглядно это видно по результатам массового исследования 2009 г. (см. табл. 1). Халхи к наиболее близким народам относят, прежде всего, русских, бурят, казахов (аналогичные оценки получены в результате массового исследования 2011 г.). У ойратов в круг близких народов входят еще алтайцы. У казахов (кроме, очевидно, монголов) — это русские и китайцы. Оценки экспертов в целом близки мнениям основной массы населения.

Таким образом, в жизненный мир этнических групп Монголии входит ограниченная группа народов, более и или менее понятных и близких. Эти 3–4 народа можно назвать «братскими» или «соседскими». Остальные оцениваются респондентами как не очень близкие и понятные.

Как показывают приведенные данные, факторы этнического родства и географической близости не всегда являются определяющими. Так, тувинцы для монгольского населения оказываются менее близкими и понятными, чем американцы.

Заметна определенная этноцентрированность казахов. При этом для них практически в равной степени близки китайцы и русские.

Близость и понятность русских во многом объясняется тем, что в XVII в. Монголия (прежде всего, Западная Монголия), вошла в орбиту цивили-

лизационного влияния России. В условиях противостояния Маньчжурии благодаря России монголы получили возможность сбывать свои товары и приобретать необходимые для кочевого хозяйства продукты российского и европейского производства. При посредстве России в Джунгарском ханстве было налажено производство огнестрельного оружия и артиллерии. Советский период истории Монголии характеризуется тесными взаимодействиями наших народов, отношения которых многими представителями старших поколений монголов и русских рассматриваются как дружеские, братские. Таким образом, Россия как северный сосед Монголии оказала ей необходимое содействие в приобщении к достижениям западной цивилизации.

Таблица 1. Доля респондентов, оценивших разные народы как «близкие и понятные», 2009 г., в %

Народы	Всего	Халхи	Ойраты	Казахи
Русские	64,0	63,9	72,3	48,8
Буряты	44,6	47,0	48,7	26,8
Казахи	*	39,3	60,6	*
Алтайцы	37,3	34,4	50,0	26,9
Корейцы	32,0	32,8	30,2	31,7
Китайцы	34,3	32,2	34,2	43,9
Японцы	28,3	30,6	28,9	17,1
Американцы	30,6	30,6	32,9	26,8
Немцы	20,0	21,9	18,5	14,6
Тувинцы	21,3	15,8	31,4	26,8
Уйгуры	11,7	6,6	15,8	22,0

В массовом и экспертном опросах респондентам задавался также открытый вопрос (то есть вопрос без подсказок, они сами должны были написать ответ, а не выбрать из предложенного списка) о том, какая страна (народ) может быть примером для подражания. В ответах отмечено большое количество разных стран и народов, но наибольшую популярность имеют несколько из них. В сводной табл. 2 обобщены результаты нашего исследования по этому вопросу.

Как следует из приведенных данных, в глазах населения Монголии ни один народ не рассматривается как единственный «законодатель мод», т.е. как модель и образец для развития. В то же время опрос показал, что в массовом сознании наиболее популярны Россия, США и Япония. В оценках экспертов Япония выглядит более привлекательной, чем она представляется основной массе населения.

Таблица 2. Оценка респондентами стран (народов), которые могут быть примером для подражания?», в %

Страны (народы)	Опрос 2009 г.		Опрос 2011 г.	
	Экспертный	Массовый	Экспертный	Массовый
Япония (японцы)	20,3	11,7	24,0	14,0
США (Америка) американцы	10,2	14,0	16,0	17,0
Россия (русские)	20,3	18,0	16,0	26,0
Китай (китайцы)	10,2	6,7	9,7	8,0
Корея (корейцы)	1,7	3,7	3,0	9,0
Монголия (монголы)	6,8	8,3	6,0	17,0
Немцы	*	*	6,0	3,0

Присутствие в массовом сознании тройки лидеров наглядно отражает разнонаправленность симпатий населения Монголии, что служит объективным основанием стратегии многовекторности во внешней политике, которая в настоящее время действительно реализуется в практической деятельности органов государственной власти.

Следует особое внимание обратить на тот факт, что многими респондентами сама Монголия рассматривается как пример для подражания. В наибольшей степени эта ориентация представлена в массовом опросе 2011 г. (см. табл. 2). Добавим также, что и при ответе на вопрос анкеты, и во время дополнительных бесед с разными людьми в ходе социологической экспедиции нередко высказывалось мнение: «Не надо никому подражать, надо быть самим собой». Данная установка выражает, на наш взгляд, определенную самодостаточность, этноцентрированность населения Монголии. Очевидно, что в рамках политики, направленной на поддержку национальной идентичности, следует уделять больше внимания позиционированию Монголии (и за рубежом и у собственного населения) как социокультурно самодостаточной страны.

Аналогичная ситуация зафиксирована в массовом опросе 2009 г. в отношении казахского населения Монголии. В этом вопросе казахи отдали предпочтение Казахстану, а также Китаю (по 17,1% опрошенных). На Россию как на пример для подражания указали только 14,6% казахов. Остальные страны имеют еще меньшую популярность.

Сравнительно высокая оценка России как примера для подражания объясняется, очевидно, ее историческим вкладом в обеспечение национальной независимости Монголии. Позитивное отношение к России сохраняется и в

настоящее время. Об этом свидетельствуют ответы опрошенных на прямые вопросы об этом, специально включенные в исследование 2011 г.

По данным массового опроса 2011 г. в целом положительно относятся к России 54% респондентов, в целом отрицательно — лишь 1%. Среди экспертов доля положительно относящихся составляет 71%, доля отрицательно относящихся — также 1%. Межгосударственные отношения России и Монголии в настоящее время 81% экспертов оценивает как отношения дружбы и сотрудничества несмотря на то, что, как уже отмечалось, они потеряли былую всесторонность и интенсивность.

Положительное отношение монголов к России может иметь и этнопсихологическое объяснение. Еще Л. Н. Гумилев отмечал возможную психологическую комплементарность русских и народов Великой Степи. В терминологии современной психологии подобная комплементарность национальных характеров описывается как отношения дуализации (полного взаимодополнения).

Поскольку русский национальный характер определяется этнопсихологами как характер интуитивно-этического интроверта, а национальный характер монголов — как характер сенсорно-логического экстраверта, то отношения между этими характерами действительно выступают как отношения взаимного дополнения.

Любопытно, что китайский национальный характер, определяемый как характер этико-интуитивного интроверта (наиболее ярко репрезентируется конфуцианской культурой), находится в конфликтных отношениях с характером сенсорно-логического экстраверта. Иначе говоря, в этнопсихологическом плане монголы и китайцы — «конфликтеры», часто раздражающие друг друга при постоянных отношениях.

Примечательно, что в дистанцированных отношениях «конфликтеры» выступают привлекательными друг для друга. Таким образом, между ними существует основа для сохранения отношений, особенно, в условиях взаимного «жесткого» обучения. Ситуации такого обучения, безусловно, не раз возникали в истории монголо-китайских отношений.

Так, историки отмечают, что в XIX в. наметился определенный консенсус между китайскими купцами и монгольским населением, заинтересованными в торговле друг с другом. Опасаясь возможного союза поработенных народов, маньчжурское правительство ввело жесткие ограничения на пребывание китайцев в Монголии. Последующее сращи-

вание китайского капитала и маньчжурской бюрократии подорвало намечавшийся союз между китайцами и монголами в борьбе против общего врага (История..., 1983: 225–227).

На фоне впечатляющих экономических успехов современного Китая естественно возникает вопрос, который мы адресовали экспертам: «Как Вы считаете, была бы Монголия сегодня благополучнее, богаче, если бы она находилась в составе Китая?» В опросе 2009 г. на маловероятность такого варианта исторического развития Монголии указали 76,3% экспертов, в опросе 2011 г. — 80%. Поддержали положительный ответ на этот вопрос («Да, возможно») всего 3,3% и 4,0% экспертов соответственно. Таким образом, для экспертного сознания характерна жесткая дистанцированность от Китая и «китайской модели» развития, несмотря на ее очевидную эффективность. В 2011 г. только 7% экспертов указали на предпочтительность этой модели. Подавляющее большинство (79%) сочли оправданным реализуемый в на-стоящее время вариант развития Монголии.

Симпатия респондентов к России может мотивироваться, помимо уже отмеченных обстоятельств, также тем, что Россия и Монголия воспринимаются как близкие друг другу по духу страны. Оценивая сравнительное влияние российской и китайской цивилизаций на культуру Монголии, а также ценностные ориентации ее населения, 50,8% экспертов в 2009 г. и 36% экспертов в 2011 г. указали на сходство Монголии и России. При этом практически ни один эксперт не согласился с утверждением о том, что «Монголия больше напоминает Китай, чем Россию». Значительная часть экспертов — 37,3% в опросе 2009 г. и 39,0% в опросе 2011 г. — выразили согласие с той точкой зрения, что «Монголия обладает собственной национальной культурой, мало походит и на Китай, и на Россию». Данный факт может рассматриваться в качестве дополнительного аргумента в пользу этноцентрированности определенной части населения Монголии.

Восприятие России как культурно и ментально близкой для монголов страны дает основание поставить дискутируемый в научной литературе вопрос о цивилизационной идентичности Монголии.

В экспертном опросе 2011 г. Монголию отнесли: к азиатской цивилизации — 61% экспертов (в 2009 г. — 53% экспертов), к евразийской — 20% (в 2009 г. — 31,8%), к российской — 10% (в 2009 г. — 7,4%), к европейской — 6% (в 2009 г. — 3%), к китайской цивилизации — 2% экспертов. Ни один эксперт не выразил согласия с точкой зрения о существовании осо-

бой «монгольской цивилизации». Не предопределяя окончательных выводов о цивилизационной идентичности Монголии, однозначно можно заключить, что, по мнению экспертов, Монголия не представляет собой цивилизационный «Восток».

Примечательно в этой связи, что население Монголии не рассматривает страны Дальнего Востока как предпочтительные для потенциальной миграции, о чем свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Если бы Вам позволяли средства и жизненные обстоятельства, в какой стране хотели бы жить Вы сами и желали бы этого своим детям?» (см. табл. 3).

Таблица 3. *Предпочтения респондентов в потенциальных миграционных намерениях для себя и своих детей, в %*

Страны	Массовый опрос 2011 г.		Экспертный опрос 2011 г.	
	Хотел бы жить сам	Желаю своим детям	Хотел бы жить сам	Желаю своим детям
Монголия	61	45	49	36
США	16	27	20	33
Страны Европы	5	8	14	13
Россия	7	6	4	6
Корея	5	6	7	4
Япония	4	6	1	4
Китай	1	2	3	3
Другое	0	1	1	0

Привлекательность США и стран Европы можно объяснить тем, что эти страны стереотипно воспринимаются как реализующие ценности свободного рынка и демократии. Следует напомнить, что на протяжении многих веков монгольские кочевники, подобно европейцам, добивались открытия рынков и права свободной торговли от Китая. В Монголии также существовала сильная военно-демократическая традиция, проявлявшаяся в проведении народных собраний аратов и частых съездах князей для решения различных вопросов (в т. ч. принятия законов).

Эти данные подтверждаются результатами нашего опроса 60 экспертов (в т. ч. 40 монголов, 10 русских, 7 бурят) — участников семинара «Перспективы международного сотрудничества Монголии и Бурятии (Россия) в свете обеспечения безопасности в ШОС» (г. Улан-Удэ, август 2010 г.) и международной конференции «Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации)» (г. Улан-Батор, сентябрь 2010 г.).

Оценивая характер адаптации представителей монгольских диаспор к местным условиям жизни в разных странах мира, большинство из данной группы экспертов (экспертов-исследователей) указали на страны бывшего СССР, а затем Европы и США, как наиболее комфортные для адаптации ми-грантов (см. табл. 4).

Таблица 4. *Характер адаптации мигрантов-монголов к местным условиям жизни в разных странах мира в оценках экспертов-исследователей, %*

Характер адаптации	В странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии	В России (и государствах бывшего СССР)	В странах Европы и США
Хорошо адаптируются	49,2	75,4	65,6
Плохо адаптируются	21,3	6,6	6,6
Затрудняюсь ответить	29,5	18,0	27,9

Обратим внимание на то, что предпочтительность стран для потенциальной миграции не обязательно может означать успешность последующей адаптации. Так, Россия, как свидетельствуют результаты опроса (см. табл. 3), является страной малопривлекательной для эмиграции, но адаптация в ней происходит, повидимому, менее болезненно в силу сходства базисных ценностей монголов и русских.

Не следует забывать, что Монголия уже несколько сот лет принадлежит пришедшей с Юга буддийской цивилизации. Влияние буддизма всеобъемлюще, но не безусловно. По мнению монгольских экспертов (2011 г.) значимое влияние сохраняет также шаманизм: 40% опрошенных указали на его сильное влияние, 47% — на его слабое влияние.

По сравнению с буддизмом более слабые позиции занимает ислам и конфуцианство: никто из экспертов не отметил, что они оказывают сильное влияние, а слабое влияние ислама указали 22% опрошенных, конфуцианства — 8%.

По сравнению с этими мировыми религиями христианство более влиятельно: признали его влияние 60% экспертов, из них 16% — сильное влияние, 44% — слабое влияние.

Принадлежность к буддийской культуре, по-видимому, находит вы-

ражение в практике принятия политических решений. Монгольским экспертам задавался вопрос, насколько эта практика соответствует проповедуемой буддизмом идее срединного пути. Преобладающая часть экспертов согласилась с мнением о том, что монгольское руководство, как правило, принимает взвешенные, сбалансированные решения, избегая крайностей (в 2009 г. — 41% опрошенных, в 2011 г. — 44%). Меньшая часть экспертов (в 2009 г. — 24% опрошенных, в 2011 г. — 21%), сочли, что для монгольской политики более характерны переходы из крайности в крайность, крутые повороты и резкие противостояния.

В понимании реализации буддийской стратегии срединного пути важно учесть, что середина ассоциируется с безопасностью, а крайность — с очень опасным местом на краю пропасти или даже самой пропасти. Срединный путь — это путь между двумя безднами (Донец, 2006: 25). Впрочем, и сам этот путь — бездна, так как утверждать срединную позицию — также крайность. И наоборот, срединность в зависимости от обстоятельств может состоять в крайности, когда нужно создать противовес противоположной крайности. Поэтому на срединном пути нельзя стоять, находиться, по нему можно только двигаться, непрерывно отказываясь от очередных крайностей. В. Г. Лысенко пишет об этом так: «Срединный путь — это не размеренное движение в заданном направлении по гладкой и прямой дороге, а скорее перемещение по минному полю — успешность одного шага вовсе не обязательно обеспечивает успешность следующего. С другой стороны, это не раз и навсегда отлаженное равновесие, которое просто нужно поддерживать в установленном режиме, а скорее — постоянное смещение, миграция центра тяжести то в одну, то в другую сторону, чтобы соответствовать постоянно меняющейся расстановке сил. Точка равновесия важна как точка роста...» (Лысенко, 2004: Электр. ресурс).

Таким образом, движение по срединному пути оказывается парадоксальным: внешне оно может выглядеть непредсказуемым и непоследовательным.

Результаты опроса дают полезный материал для осмысления существующего в общественном сознании на уровне субъективных ориентаций отношения населения Монголии к другим народам и возможного использования этих результатов при проведении ее международной политики. Так, хотя в последние годы сотрудничество Монголии с такими странами, как Китай, США, Япония и Корея существенно расширилось по самым разным направлениям, более всего понятной и близкой ее населению остается северный сосед. В силу этого Россия может рассматриваться как

наиболее исторически надежный партнер Монголии.

Тяготение к северному соседу объясняется как традиционным противостоянием с Китаем, так положением Монголии как североевразийской по ландшафтно-климатическим условиям страны. Столица Монголии Улан-Батор является самой холодной столицей мира. Поэтому не случайным является сходство в ментальности монголов и россиян. Подобно России, которая между Западом и Востоком оказалась на Севере, Монголия в силу особенностей своего положения оказалась северной страной.

Список литературы:

Донец, А. М. (2006) Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики. Улан-Удэ.

История Монгольской народной Республики (1983). М.

Лысенко, В. (2004) Трудное дело «середины»: «срединность» (mesotes) Ари-стотеля и «срединный путь» (majjhima patipad) Будды [Электр. ресурс] // Kogni.narod. URL: <http://kogni.narod.ru/mesotes.htm> (дата обращения: 10.11.2012).

MONGOLIA IN THE WORLD COMMUNITY OF CIVILIZATIONS AND NATIONS

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A.

Abstract: Basing on the ethnosocial studies of 2009 and 2011 article analyzes the popular and expert opinion's perception of Mongolian people's attitude to other nations.

Keywords: Mongolia, civilization, metacivilization, nations, interaction, axiological orientations